

Мастерская чудес

Автор:

Валери Куонг

Мастерская чудес

Валери Тонг Куонг

Герои новой книги Валери Тонг Куонг переживают не лучшие времена. Учительница Мариэтта разочаровалась в своем муже, а дети в классе откровенно над ней издеваются. Секретарша Милли мучается от одиночества и чувствует себя ненужной. Верзила мистер Майк, бывший военный, дезертировал из армии и стал бродягой.

Нужно, чтобы кто-то вытянул их из трясины неудач и неприятностей.

И – чудо! – в их жизни появляется господин Жан, владелец необычной «Мастерской чудес». Его работа – помогать тем, кто отчаялся.

Кто он? Волшебник? Чудак-альтруист? И да, и нет. В самом финале читатель узнает, что у господина Жана – своя история, которая многое объясняет...

Валери Тонг Куонг

Мастерская чудес

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Эрику

Милли

Едкий, резкий, неотвязный запах пропитал меня, проник во все поры. От него защипало в носу, запершило в горле. Еще не выдравшись из липкого вязкого сна, я не могла понять, откуда эта напасть – ядовитый смог.

Ни за что не открою глаза. Просплю до утра, а еще лучше – буду спать все выходные. С вечера пятницы до понедельника не думаю, не вижу снов, даже не дышу. Миную два дня одним рывком, одним нырком.

Так плывет под водой слабый ребенок в бассейне. Слышит команду учителя, смех и свист других детей. Воздуха не хватает, бортик далеко, а возможная, почти желанная смерть уже рядом. Но вдруг пальцы вцепляются в пористый край. Ты выныриваешь, отплеываясь, легкие наполняются воздухом. Чувствуешь изнеможение и благодарность. Смерть отступила.

Жгучий кашель вырвал меня из тьмы. Глаза пришлось приоткрыть.

Длинный сизый язык дыма, просунувшись в форточку, беззвучно лизал пожелтевшие пестрые обои, подбирался к потолку.

Пожар! Тело судорожно сжалось, приподнялось, но я еще не проснулась. Сознание расколосось надвое. Один голос внутри возопил: «Вот, Милли, пришел час расплаты, истины, искупления! Покайтесь, не то возмездие настигнет вас! Кто-то должен за все ответить!» Другой напустился на него: «Перестань, сейчас не время для скоропалительных выводов, сведения счетов, философии, всяких знамений и воздаяний. Пожар – чистая случайность, результат неудачного стечения обстоятельств, несчастный случай. Соберись и действуй, иначе погибнешь!»

Вчера я, шатаясь, добрела до дивана и рухнула, как была, в одежде, не смыв косметику, даже не почистив зубы. Руки-ноги не слушались, каждое движение давалось с трудом.

А ведь я буквально помешена на чистоте. Голову мою утром и вечером, руки – по сто раз на дню. Без конца чищу ногти, пятки тру пемзой. Перед работой вытираю повсюду в квартире пыль и по возвращении тоже. Генеральная уборка еженедельно.

В офисе набрасываюсь с влажными салфетками (упаковка сулит мгновенный бактерицидный эффект) на все, что попадет под руку. На рабочем месте постоянно слежу за каждой мелочью: стираю следы грифеля со стаканчика для карандашей, проверяю, есть ли скобы в степлере всякий раз, как им пользуюсь, в конце дня непременно отключаю принтер. В ящиках стола у меня идеальный порядок. Однажды, управившись со всеми делами задолго до окончания рабочего дня, я и окна помыла. Однако замдиректора не оценила мое усердие. «Если вы дорожите своей должностью, извольте выполнять только те обязанности, которые оговорены в вашем контракте. Здесь вы секретарь-референт. Когда надумаете стать уборщицей или мойщицей окон, обратитесь в соответствующее агентство по найму!»

Это агентство прежде долгое время обеспечивало меня работой. Так что я подобострастно извинилась и решила приберечь свой пылеочистительный пыл исключительно для частной жизни.

И вот вчера, как на грех, именно вчера мои принципы потонули в алкоголе. Ноги подгибались, все плыло перед глазами. Вернувшись, я мечтала лишь об одном: поскорей уснуть.

«Ну и ладно, – думала я. – Меня ведь никто не видит, и уж тем более никто не поцелует, не обнимет, не ляжет рядом. Так что никого я не огорчу. Это единственное мое преимущество и достоинство. Почему бы разок не послать подальше...»

Сунула сумку под диванные подушки, растянулась и засопела, даже туфли не сняла.

Теперь с трудом подползла к окну. Занимался пасмурный серый день. Внизу собралась толпа. Люди с откровенным испугом смотрели на дом, показывали куда-то, чуть ниже моего окна. От их вида, криков, запаха гари, боли в груди меня затошнило. Огонь сожжет, угарный газ придушит. Асфиксия, интоксикация.

Что, если пожар – исполнение моего тайного желания? Что, если я вынашивала его где-то там, в глубинах подсознания? А вдруг я виновница возгорания? Таких случайностей не бывает, бросьте! Никакой статистике не поверю.

Хотя...

Ты Милли. Перед тобой окно. Решайся, еще не поздно.

Дым шел снизу, из квартиры подо мной. Нелюдимый старый Канарек забыл борщ на газовой плитке. В последнее время с головой у него плоховато. Я не раз встречала его у подъезда. Канарек проповедовал прохожим, декламировал с горячностью своего любимого писателя, «гениального Федора Михайловича Достоевского», как он его торжественно именовал. Брызгал слюной, проглатывал половину слов. В лихорадочном страстном речевом потоке иногда удавалось разобрать что-то о бедных людях, презрении, унижении, поруганной невинности, бесчестье, предательстве друзей. Владельцы окрестных магазинчиков и соседи считали старика сумасшедшим и старались держаться от него подальше. Он бормотал себе под нос, что в один прекрасный день зарежет кого-нибудь мясницким ножом. Или сожжет все к чертям.

Несчастный старик! Если он выживет, его обвинят в умышленном поджоге. А я, если выживу (хотя зачем мне дальше жить, непонятно), не смогу его защитить. Где уж мне переспорить домовладельцев!

Я обвела взглядом толпу, постаралась здраво оценить ситуацию, все взвесить, принять решение. Главное – не поддавайся панике!

Так уж вышло, Милли, ничего не поделаешь, ты попала в переплет. Соседей не выбирают, злополучному Канареку тоже, прямо скажем, не повезло. Не теряй

времени, соображай поскорей, что ты вынесешь из огня. Что тебе по-настоящему дорого, с чем ты не сможешь расстаться ни в коем случае? Каждый не раз задавал себе этот вопрос. Каждый знает, что для него насущно, необходимо.

Даже ты, Милли, уж поверь.

Кто-то возьмет с собой безделушки, альбомы с фотографиями, письма в обувной коробке. Или привезенные из путешествий камешки и открытки. Или позабытую в глубине шкафа виолончель, на которой играл в детстве. Другой сунет за пазуху чековую книжку, свидетельство о браке и прочие документы. Третий потащит всякие ценности: картины, украшения, золотые часы. Вещи определяют наше бытие, обрамляют его, проявляют. Порой это залог безбедного существования в будущем.

Ну же, Милли, хватай, не медли!

Но ведь у меня ни единой вещицы за душой. Нечего спасать. Вместо профессии – тощая стопка договоров о временном найме и переписка с разными агентствами. Вместо личной жизни – три-четыре открытки от родителей, присланные за последние десять лет. На каждой: «С наилучшими пожеланиями». В этой формуле выражена суть наших отношений.

Ничего я не сохранила, ничего не приберегла. Вокруг все чужое. Эту крошечную квартирку три месяца назад совершенно незаконно пересдала мне одна девушка-этнолог, улетающая на три года в Южную Корею.

Самое дорогое так и осталось на мне – новые туфли. В прошлые выходные я заплатила за них кучу денег. Не потому, что они мне понравились или пришлись по ноге. Просто назойливый продавец навязывал их, а я, как всегда, не смогла отказаться.

Дым сгушался. Надо же было пожару разгореться именно в ту ночь, когда я впервые в жизни напилась!

Пригласили, и я опять-таки не смогла отказаться... Вчера истек мой последний рабочий день на посту секретарши. Скучнейший: я только и делала,

что разносила кофе и разбирала почту. Более серьезных заданий мне не давали с понедельника, зная, что я здесь не задержусь, хотя целых два месяца я беспорочно, самоотверженно и пунктуально выполняла всевозможные поручения.

В семь часов вечера завкадрами лениво пожала мне руку: «Вы прекрасно справились, Лизи, благодарю вас». Даже имени не запомнила. Теперь я могла исчезнуть.

Молодые бизнесмены обсуждали, где бы выпить, ожидая лифт. Внезапно один из них предложил и мне присоединиться к компании. Что у меня общего с этими людьми? Мы и знакомы-то не были, так, видела пару раз. Они преуспевающие, энергичные, нацеленные на успех, впереди у них блестящее будущее. Носят дорогие костюмы, покупают лишь «ультрамодное», «сверхскоростное», вплоть до смартфонов последней модели – мне на такой зарплате не хватит...

А я повсюду временная, замещающая, исполняющая обязанности. Одежка с распродаж. Училась в дыре, о которой они и не слышали. В «высоких технологиях» не смыслю. Новейшие изобретения, достижения «нашего информационного века», социальные сети для меня – пустой звук. Я не очень-то социально активна.

То есть любая на моем месте отказалась бы от такого предложения, сочла его непристойным. Однако я, сама не знаю почему, ответила: «Отлично! Заметано!»

Позднее, уже выпив от смущения море пива и «мохито», я поняла, что попала на вечеринку по недоразумению. Молодой человек пригласил вовсе не меня, а приятную даму, главного юриста компании, которая стояла у меня за спиной. И в ответ на мою лихую поспешную реплику не решился честно сказать: «Простите, но вы ошиблись».

Если бы вчера вечером я благоразумно следовала заведенному распорядку (вернулась бы домой, съела макароны под какую-нибудь телевизионную чушь, ровно в десять легла бы в постель, выпив надежное быстродействующее снотворное), то к утру была бы в здравом уме и твердой памяти. Сознание ясное, движения четкие. Правила поведения при пожаре печатают в газетах ежедневно, я их перечитывала сотни раз: мокрую ткань на лицо и под двери,

окон не открывать, а главное, не бежать через задымленные пространства.

Если бы я не напилась, как дура малолетка, то услышала бы сирену пожарной машины и поняла, что вскоре доблестные пожарные в касках и сапогах, настоящие герои, под восторженные крики зевак придут ко мне на помощь. Заберутся по длиннющей лестнице и осторожно вынесут меня из горящего дома. Я оказалась бы в безопасности. Не поддаюсь панике, подавила страх. В конце концов, злему року покоряются только безвольные трусы или мрачные пессимисты.

Скорей всего, сияющие каски потушили бы огонь внизу, и он не проник бы в мою квартиру. Я вымыла бы ее хорошенько и тише воды ниже травы продолжила свой немудрящий путь, безопасный и безнадежный, проживая каждый новый день точь-в-точь как предыдущий.

Вместо этого я распахнула входную дверь, даже не подумав, как защитить себя от огня и дыма. Густое черное облако ворвалось внутрь, заставило меня отступить. Все пространство от пола до потолка раскалилось добела в мгновение ока. Мне опалило кожу, волосы. Дыхание пресеклось, легкие пронзила невыносимая боль. Я поняла, что мне отсюда не выбраться. И все, что я в себе старательно подавляла и умирляла целых одиннадцать лет, вырвалось наружу с невиданной силой.

Я задержала дыхание, чтобы уголь в груди потух. Бросилась к окну и с диким воплем перемахнула через подоконник.

Круг замкнулся, я вернулась к исходной точке. Еще одна шпилька судьбы.

Мистер Майк

Я знал, что он притащится снова. Который день рыщет вокруг, будто акула, что почуяла телячью требуху. Смотрит исподлобья, злобно так, но, похоже, смирился, в драку не лезет. Видите ли, его высочеству не нравится, что я занял его ступени, его владения, его место, все ведь знают, что тут его территория. Глядит, как солдат на вошь, ублюдок, однако потом отползает в соседний

подъезд, не такой просторный и теплый, согласен, зато к помойке поближе. Долго с ним толковать не пришлось, сам дорогу нашел. В первый день полез на меня, визжа, будто кастрат. Я сидел, так он и не понял сразу, что во мне и росту и весу много больше, чем у него. Ничего не попишешь. Я как встану, как сгребу его за шкварник, мелочь поганую, карлика вонючего, сморчка, как зашепчу ему на ухо ласково: «Послушай, чувак, теперь я здесь живу, а ты отвали и не суйся, понял?»

Хлебало перекосилось, позеленело: еще как понял! В знак дружеской симпатии, чтоб скрепить полюбовное соглашение, я даже бухлом его угостил. А он ничего, задрот, выпил, не поперхнулся. Так я и решил, что дело улажено раз и навсегда.

С тех пор не то чтоб мы подружались, но как-то привыкли друг к другу, что ли. У каждого свой подъезд, вооруженный нейтралитет. Даже болтали с ним иногда. То есть я рассуждал, а он слушал. Сам сопля базарить не мастер, словарный запас маловат, в школе не доучился. Он на школу кивал, а на самом-то деле это проклятые вещества, которыми он ширялся каждый божий день на лестничной клетке, промыли ему мозги, лишили последних извилин, сделали полным придурком. На нем живого места не было, вен не сыскать, так он вмазывался в пах, под язык, чуть ли не в глаз. Решето ходячее. Каждый приход сжигал по сотне нейронов, вот торчок и тупел на глазах. Да и зубы порастерял, признаться. Попробуй, помитингуй, когда во рту с полдюжины черных пеньков осталось, да и те сожрал пародонтоз.

Я ведь тоже университетов не кончал. Как стукнуло мне шестнадцать треклятых лет, так и школу побоку. Однако понабрался кое-чего из газет. Где книжку надыбаешь, где радио послушаешь. Я давно осознал: невежество – обезьяна с гранатой.

Словом, мы неплохо устроились, жили себе поживали. Хотя на улице – не рай, конечно. То дождь, то слякоть. Сидишь-просишь – спина болит, зараза. Стоишь-просишь – ноги отваливаются. А так чем не жизнь? Грех жаловаться. Хавчик не хуже чем в армии. Каждый вечер из супермаркета несут на помойку йогурты всякие, ветчину, сыр, овощи, фрукты, всего навалом. Нетронутые, в упаковках. Дай бог здоровья тем, кто придумал срок годности.

В семь часов баки еще пустые. В семь тридцать народ начинает стекаться к задкам магазина. Румыны, старушки, деды, молодежь с собаками, многодетные мамы. Мой торчок-сморчок на стреме, следит, чтоб его не обошли. Мужики слоняются в ожидании поодиночке, руки в карманах, сутулые, на нервах. Бабы кучкуются, трещат, сплетничают: «Как дела? Чмоки-чмоки». Но тоже с баков глаз не спускают, караулят. Только те наполняются – прощай, любовь! Тут уж каждый сам за себя: толкаются, работают локтями, когтями, лезут, выдирают друг у друга что повкусней.

А я спокойно кемарю в сторонке. Здешние сами со мной поделаются, а куда им деться? «Вот, мистер Майк. Возьмите, не стесняйтесь». Лучшее отдадут, не заживят. Когда в тебе метр девяноста росту, а бицепсы как у Рокки, тебя по жизни уважают. Знаки внимания, лесть и все прочее. Природные данные тут ни при чем. Ростом Бог меня не обидел, но все остальное я сам заслужил. Железо качал, отжимался по шестьдесят раз без передышки, а выходов с силой и того больше делал. Потом хлебнул лиха, представьте: тридцать восемь в тени, а ты на марше в полной выкладке, за плечами тридцать кило, едва ноги передвигаешь. Но без этого мужиком не станешь, это вам не гнид давить, не тараканов коцать.

Конечно, теперь я уже не тот, последние полгода сказались. Негде пресс подкачать, да и хребет ни к черту. Однако даже тонущий капитан остается капитаном, и команда, барахтаясь среди обломков, это отлично знает. Многие пошли ко дну, захлебнулись, склеили ласты. Взять хоть Бретонца. Летом бойкий веселый парень был хоть куда, а к Рождеству захирел, запаршивел, родная мать не узнает. Или Художника. Все рисовал мелками на тротуаре картинки и вдруг загнулся от гриппа. Двух месяцев не протянул. Моко прибыл из Алжира щеголем: зеленое шерстяное пальто, клетчатый картуз, бачки. Гордый такой – не подходи, не тронь. Потом мигом спился, обносился. Загребли его и назад отправили. Где он сейчас?

Так что я-то еще молодцом. Держусь бодрячком. Труднее всего – не думать. Мысли разносят мозг почище противотанковой мины. Я для того и болтаю без перебоя, чтоб от них отделаться. Пристаю к прохожим, к торчку-сморчку, к охране в магазине, к ворью, к жителям нашего подъезда. Последние меня недолюбливают, честно говоря. Пробегают мимо и поскорей запирают за собой дверь квартиры. Я их самый страшный сон. Встречаясь с соседями на лестнице, перешептываются с опаской: «Этот все еще здесь?» – «Ну да, мы люди гуманные, все понимаем, но эта вонь, грязь... И потом он вечно пьяный. Какой

пример для детей! Пивные банки, мерзость! Хоть бы он не пил. Хоть бы заткнулся. Так нет же! Такой дотошный, во все сует нос, каждый наш шаг обсуждает. Будто не знает, что вторжение в частную жизнь преследуется по закону. Посягает на нашу собственность. Где-то же есть для таких приюты. Вся беда в том, что наш подъезд – уютный и теплый».

И они наперебой изобретают разные способы выкурить меня отсюда, мол, пригласим архитектора, он что-нибудь набросает, начертит, затеем ремонт, одна беда, дороговато выйдет, до чего дожили: плати за то, чтобы жить спокойно в своем же доме! Ворчат, бурчат, головами качают, шепчутся, хотя напрасно стараются, я тут же сижу и все слышу.

Но кто-то один всегда вдруг одернет остальных: «Погодите, ну затеем мы ремонт, ну прогоним этого, так ведь тот, другой сейчас же вернется».

Жильцы сразу отказываются от наполеоновских планов до поры до времени, поскольку торчка-сморчка с безумным блуждающим взглядом и нетвердой походкой они еще больше боятся. И правильно делают. Мне бы тоже не стоило ему доверять. Не почуял я опасности, дурень. Лишний гонор до добра не доводит. Видел, что боец из него никакой, наркоши – вообще падаль, кто спорит? Вот и решил, что мы с ним договорились. Лучшее место получает сильнейший – таков закон. Я полагался на эту аксиому и не стал заморачиваться.

Не учел, что его высочество оскорбился до глубины души. Что клал он на логику и законы. Что зависть его замучила.

Если народ обо мне заботится, тащит кофе, газеты, гонит бабки, я тут при чем? Пытался как-то втолковать ему по доброте сердечной: «Думаешь, мне пруха из-за клевого подъезда? Нет. Просто у меня язык хорошо подвешен, я людям нравлюсь. Ты бы тоже привел себя в порядок, научился улыбаться лохам, а не вмазывался всякой хренью. Работай, развлекай их, балагурь, зарабатывай, черт тебя дери!»

Однако ублюдок собрался на меня хвост поднять, а я этого не просек.

Утром приносит он мне целую пачку колес. Другой бы на моем месте застремался, но я, баклан, взял безо всякой опаски, даже обрадовался: промерз на лютном ветру, не спал почти, хорошо бы подлечиться. Меня посреди ночи

выгнал из котельной говнюк, пришедший свет чинить. Чем я ему помешал? Дрых себе в крысином гнезде, никого не трогал. Испугался, что я бухло у него стырю? За котлом меня и не видно было. Только этот кекс разорался, пригрозил, что легавых позовет. Ну и пришлось мне слоняться по сучьему холоду часа два, ждать, пока он срыгнет. Руки-ноги свело от холода, в горле запершило, башка раскалывалась. Бывало и похуже, само собой. Фишка в том, что от собачьей жизни на улице стареешь, как бобик: полгода за пять лет идут, пять лет суровой армейской службы.

Вот я и дал слабину. Пожаловался торчку-сморчку. Сказал, что измаялся, заболел. Тот покивал участливо: «Бедный мистер Майк! Не повезло! Ничего, я-то знаю, чем тебя реанимировать». Так я и попал, будто рекрут желторотый... Мне и в голову не пришло, что это подстава.

Всю пачку всосал еще до открытия супермаркета. И поплыло у меня перед глазами. Закружились, вальсируя в вихре африканской пыли, бойцы в хаки, винт вертушки, кожаные сиденья беж в эльзасском авто... Я услышал пронзительный смех мадам Майк, шлюхи по жизни. Запах жимолости... Она прикоснулась ко мне ледяными руками, раздвинула ноги...

Набежала окрестная пьянь, закипешила, затарахтела: «Мистеру Майку херово? Прихватило его? Может, «Скорую» вызвать?» Торчок-сморчок за меня ответил: «Брось, братва! Он просто придушивается, комедию ломает, вы же его знаете. Говно не тонет, такой не пропадет». Сам я не мог и слова выдать, ткнулся мордой в колени, слякоть проклятая мешала смотреть, потекла из-за мыслей этих паскудных. Лучше б я сдох, чем показал им, что плачу.

Вот я сидел-сопел, носом шмыгал, долго, с полчаса, наверное. Даже не заметил, как они подошли. Поднял голову, только когда сморчок заблажил. Встал напротив меня, руки в боки, грудь выпятил. Супергерой хренов! «Кирдык тебе, мистер Майк! Ты всех тут достал. Вали отсюда, а не то мы тебе поможем». И с ним еще три колдыря сушеных. Злющие, так и рвутся в бой.

Я устало вздохнул: «Сопля, имей совесть. Без тебя тошно, башка трещит. Не лезь, огребешь».

Но он храбро так подскочил, хватя меня за ворот, а сам орет, аж пеной брызжет: «Вали-вали-вали! Отхерачим тебя, чтоб духу твоего не было! Осточертела твоя харя!»

Такой борзоты я стерпеть не мог. Мой авторитет в квартале поставлен на кон, все мое будущее, вся жизнь. Он попер на меня, взъерепенился, встал на дыбы. Надо его опустить. Пришлось оторвать жопу, хоть я ослаб и устал.

Торчок откатился. Зато один из его друзей-колдырей вынул обрезок трубы из-под пальто. И я сразу просек, что это заговор. Хотел ошкетиниться и навалить им. Но они мгновенно сбили меня с копыт, приложили железякой как следует, потом принялись месить ногами все разом. Я прикрывал то голову, то почки. Хрумкнули кости... А эти сволочи ржали как гиены, вопили, визжали. Их вой больше всего меня донимал, если честно. Боли после десяти минут мочилова я уже не чувствовал, но ультразвук их крысиный адски резал слух. Зверье поганое.

Последнее, что я запомнил перед тем, как вырубиться, – это ослабленная довольная моська торчка-сморчка. Ни разу за все полгода не видел, чтобы гад улыбнулся.

А тут сподобился.

Мариэтта

Я только подходила к дверям, когда раздался звонок, сверлом вонзившийся в мои внутренности. По инерции ускорила шаг. В вестибюле завуч мсье Виншон, прищурившись, вычитывал что-то на доске объявлений. Заслышав мои шаги, он обернулся, постучал по своим наручным часам, укоризненно зацокал языком, мол: «Поторопитесь, мадам Ламбер, ученики заждались вас».

Они действительно меня ждут не дождутся. Словно голодные безжалостные хищники. Словно охотники в засаде. Все они сговорились меня прикончить. Еще какое-то время поиграют с добычей, потом, когда надоест, нанесут последний смертельный удар. Естественно, если я кому-нибудь расскажу об этом, меня сочтут истеричкой, слишком ранимой и мнительной, склонной все преувеличивать. Скажут: «У вас паранойя». Здесь, конечно, коллеж, а не институт благородных девиц. Но дети по большей части из хороших

обеспеченных семей, воспитанные и милые. Иными словами, такие не протыкают соседям шины, не поджигают окрестные дома, не насилуют в метро. Мы, как принято считать, привилегированный средний класс.

На самом же деле мои ученики просто хитрые, изворотливые и лживые. Они делают пакости незаметно, с улыбкой. В нашем тесном плюшевом мирке живут уютно и без хлопот, здесь даже преступления совершают тихо и благопристойно. Не набрасываются с ножом или с бейсбольной битой, не подстерегают в темном переходе. Тебя просто не приглашают на престижный спектакль, на вечеринку для элиты, исключают из семейного бизнеса. Постоянное давление, манипуляции. Ближних не убивают, их доводят до самоубийства. Кровь не пятнает рук.

Ученики объявили мне войну. Заключили пари: «Спорим, она и до Пасхи не продержится!» Грязные интриганы. Подлые ябеды. Ненавижу! Мне часто снится, что школьный автобус взрывается из-за протечки масляного бака. Бах! И никого не осталось. Это судьба, Мариэтта, несчастный случай.

Тут звонит будильник, и страх перед новым днем обволакивает меня и душит.

Нельзя сказать, что изначально весь класс бросил мне вызов. Там был зачинщик, самый подлый. Его подручные подстрекали, руководили. Кто-то подчинялся, исполнял приказы. Кто-то держался в стороне. Один мальчик даже встал на мою защиту. И сразу же превратился в изгоя. Пришлось ему пойти на попятный. Теперь, когда я тщетно ищу у него поддержки, он прячет глаза.

В конце концов класс объединился, сплотился. Все действуют заодно, все полны ненависти и злобы. Ученики не сдадутся – слишком далеко зашли. Я знаю, и они знают тоже, что добром это не кончится.

Мы враждуем с самого начала учебного года. Началось с того, что я вклеила «ноль» их общепризнанному вожаку, Люку Зебрански, высокому блондину с эффектной челкой. «Ноль» он вполне заслужил, поскольку непомерное эго давно уже мешало ему развивать свой ум, от природы живой и острый. Поздней

я узнала, что родители из-за плохой оценки не пустили его туда, где он должен был уладить амурные дела. Он мне этого не простил. Пропущенная вечеринка превратила жизнь уважаемой учительницы истории и географии в сущий ад!

Думаю, Люк тщательно продумал план мщения: он слишком предусмотрителен, чтобы рисковать и импровизировать. Началось с того, что класс обрушил на меня шквал вопросов. Блестящая мысль! В октябре на каждом уроке ученики непрерывно спрашивали меня по десять-пятнадцать раз об одном и том же, по-разному формулируя, оттачивая, шлифуя наглую глупость.

- Скажите, мадам, а тоталитаризм как-то связан с тотемизмом?

- Чем тоталитаризм отличается от фашизма? А от фетишизма?

- Тоталитаризм - это тотальная авторитарность, да?

Следующая тема.

- Правда, что Ленин - сын Сталина?

- Пролетариат над чем пролетает? Я что-то не понял.

- Они стали вождями потому, что переживали из-за своего малого роста, верно?

Невинные, наивные, сущие ангелочки. Сидят смирно, выпрямились, держат ручки наготове, открыли учебники на нужной странице.

Я не выдержала, вспыхнула:

- Вы что, издеваетесь надо мной? Нарочно такие дурацкие вопросы выдумываете?

- Нет, мадам, мы просто хотим разобраться!

Люк Зебрански злорадно заявил:

– Вы напрасно срываете раздражение на учащихся. Вам бы следовало и себе иногда задавать вопросы. А вдруг ваши объяснения не всем понятны?

«Вам бы следовало». Сопляку недавно исполнилось четырнадцать, а он учить меня вздумал! Я едва не задохнулась от ярости.

Викторина продлилась месяц, затем мы перешли к другим видам напряженных состязаний, разнообразных и изощренных. Они избрали меня своей жертвой. Мне некогда стало готовиться к урокам, я постоянно планировала контрудары, думала, как избежать ловушек. Напрасно. Ученики были куда изобретательнее меня. Вот, к примеру, вздумала я приохотить их к истории, принесла фильм про Вторую мировую. Во время просмотра ушла, чтоб отксерить задания для контрольной. Возвращаюсь, а дверь заперта изнутри. Ангелочки за стеклом вызывающе спокойны, будто так и надо. Я позвала старшего воспитателя. Как вы догадываетесь, когда он пришел, дверь была приоткрыта, а ключ висел на месте. Воспитатель тяжело вздохнул, возвел глаза к потолку:

– И не совестно вам, мадам Ламбер, отрывать меня от важных дел по пустякам?

День за днем я жаловалась начальству, просила помощи и поддержки. Тщетно. Зебрански и его приспешники совершали злодеяния, не оставляя ни единой улики. Я говорила одно, а он – совершенно другое. Так что мои слова вызвали сомнение, и враг торжествовал. Директор, завучи, воспитатели, мои коллеги-учителя упорно не замечали радости милых деток, когда я падала, поскользнувшись на банановой кожуре. Раз так, я умолкла. Стиснула зубы и перестала рассказывать кому бы то ни было про жвачку, прилипшую к волосам, про нарочно подстроенные серийные опоздания, про маркер, который то не писал на белой доске, то не желал стираться, про скверные слова, нацарапанные иглой циркуля на моем столе.

Если верить Зебрански, все это – случайности, совпадения, злой рок! При чем же тут класс? Ученики не виноваты.

Какое-то время я делала вид, что так и есть, но потом мое терпение лопнуло.

- Разве двадцать восемь человек могут случайно выронить ручки в одну и ту же секунду? Или бесшумно поменяться местами, пока я отвернулась к доске? Это юмор такой? Изысканный перформанс? Может быть, мне это мерещится или снится? Предупреждаю, Зебрански, благодаря вам я на грани нервного срыва. Последствия непредсказуемы, берегитесь!

- То есть вы мне угрожаете? При свидетелях?

Я совсем растерялась и впала в отчаяние. Даже дама-психоаналитик, к которой после каникул я стала ходить регулярно, два раза в неделю, и та мне не верила. Кивала с видимым смущением: «Все это так, однако... Не кажется ли вам, что у четырнадцатилетнего подростка найдутся дела поинтересней, чем плести интриги и мстить учителю за ноль, полученный в начале года? А вдруг это и правда - цепь совпадений?»

Она говорила о постоянных стрессах, детских травмах, комплексах, фрустрациях. О мнительности, об искаженном восприятии реальности.

- У вас кризис среднего возраста, классический случай переутомления, депрессии. Сублимируйте, мадам Ламбер, сублимируйте! Вы получили тревожный сигнал, сделайте вывод, действуйте! Кстати, как дела у вас в семье?

У меня руки тряслись, зуб на зуб не попадал. Неужели она не понимает, что мне страшно? Я боялась своих учеников, боялась саму себя. Скрип мела по доске, тиканье школьных часов - все внушало мне дикий ужас, вызывало панику.

- Вам необходимо расслабиться, освоить технику релаксации. Займитесь йогой! Как вы относитесь к йоге? Поверьте, она вам очень поможет, вернет чувство умиротворения, уверенности в себе. Нужно обновить ваш профессиональный я-образ.

Да-да, поговорим о моей профессии. За всю жизнь я только ее одну выбрала самостоятельно и по собственной воле. Мои родители вникали во все: в то, как я хожу, причесываюсь, одеваюсь. Диктовали, с кем мне общаться и как. Только

мое призвание их ни в малейшей степени не заботило. Главное, чтобы я сделала хорошую партию. По зрелом размышлении они сочли, что преподавательница истории и географии – именно то, что нужно: такое социальное положение не отпугнет ни одного из лучших женихов. Не слишком высокое (ни претензии, ни вызова). Но вполне достойное (не стыдно появиться в обществе с женой-учительницей).

Поэтому они исправно, не скупясь, оплачивали мое образование. С чувством выполненного родительского долга.

И вот почти двадцать лет я преподавала с восторгом и самоотдачей. Теперь я осознала, что все эти годы была куда счастливее с учениками в школе, чем с мужем дома или с моими собственными детьми, как ни странно. Каждое утро спешила прочь, скорее в любимый класс, к фотографиям гор и озер, к выцветшим картам на стенах. Каникулы казались мне невыносимыми, нескончаемыми. Особенно летние, когда я буквально на стену лезла с тоски и скуки.

Однако со временем все изменилось. Я вдруг почувствовала, что меня перестали внимательно слушать и уважать. Сплошная критика и недоверие со стороны учеников и их родителей. Дело не во мне одной, общество ополчилось на школьных учителей. Газеты постоянно обвиняли нас в лени, ипохондрии, паразитизме. Видите ли, внешний долг страны увеличился именно из-за нас. Мы растим поколения невежд и ничтожеств.

Эти зловерные рассуждения отравили сознание подростков. Отныне учитель им не указ. В пригородах участились чудовищные случаи нападений на преподавателей, начался откровенный террор.

Даже мой муж, когда я один-единственный раз пожаловалась на то, что в школе дела идут все хуже, не посочувствовал мне. Напротив, заявил с апломбом, что я справедливо наказана за отсутствие инициативы и честолюбия!

– Ты давно бы преподавала в университете, если бы приложила немного усилий и прошла по конкурсу. Но мадам плывет по течению! Учит жалких сопляков. Что ж, пришла пора нести ответственность за свой выбор.

Все, сдаюсь, мой профессиональный я-образ никуда не годится. По чести сказать, не только шайка Зебрански довела меня до отчаяния. Я в полном одиночестве вовсе не по вине этих мерзавцев. Они всего лишь сорняки, которые буйно разрослись на куче навоза посреди пустыря.

– Мадам Ламбер, непременно зайдите ко мне после урока, – слышался у меня за спиной голос завуча, когда я открывала застекленную дверь, собираясь подняться в класс.

Я обернулась, хотела подойти к нему, но он махнул рукой: «Не сейчас, поговорим позже, вам нельзя опаздывать!»

На лестничной площадке меня поджидал, скрестив руки на груди, ликующий Зебрански. Не знаю, что на меня нашло. Приступ ярости, неуправляемый гнев, помрачение рассудка, аффект, амок. Все ясно, это он, гаденыш, пожаловался родителям, что мы и трети программы не прошли, а скоро выпускные – так никто не получит аттестат... Начнутся проверки, скандалы, он потребует «ради своих товарищей», чтобы меня заменили кем-нибудь другим... Давно грозился, и вот... Что, Зебрански, задумал сместить меня, выкинуть, отправить к малышам-шестиклассникам?!

Я приблизилась к нему, и моя рука непроизвольно взвилась и отвесила ему пощечину... ПОЩЕЧИНУ! Вместившую сотни тех, что я не решалась дать ему долго-долго... Он покатился с криком по лестнице вниз, ударяясь о ступени то головой с торчащей белесой челкой, но острыми тощими коленками, беспомощный, будто кукла. Прямо под ноги подоспевшему завучу.

Перепуганный Виншон опустился на колени рядом с ним, принялся гладить бедняжку по голове, расспрашивать с тревогой, где у него болит. Весь класс бросился к поверженному вожаку, вопя: «Люк! Ты как, Люк? Ты жив?»

Я видела все это будто в замедленной съемке сквозь задымление. Глава педсовета вышел из учительской, взял меня под руку: «Что ты наделала, Мариэтта, что с тобой?! Ступай ко мне в кабинет, не стой тут, пошли быстрее!»

Я безвольно следовала за ним, думая об одном и том же, по кругу: «Что я скажу теперь мужу, детям? А вдруг Зебрански искалечен? Нет, я не виновата, пусть все узнают, это вышло случайно, непреднамеренно... Я не хотела причинить ему вред... Я столько времени сдерживалась... Все вышло из-под контроля... Котел взорвался!»

Я просто попыталась покончить с пыткой, разорвать этот круг...

В конце концов, я ведь тоже живой человек...

Милли

Я мгновенно потеряла сознание. Провалилась в темноту. Будто кто-то, выходя из комнаты, выключил свет. Потом вдалеке слышались невнятные голоса, дребезжание. Я почувствовала тряску, покачивание. К лицу приблизилось что-то горячее. Я отпрянула. Захотелось спрятаться, нырнуть обратно в темноту, в сон. Плыть бездумно по течению времени, раствориться. Мысли путались.

Я не понимала, где я, как долго, что происходит вокруг. Осознание и обоняние мне изменили. Белые вспышки, черные тени – зебра... Серые сумерки, отяжелевшие веки. Как хорошо лежать без движения, ничего не слышать, ничего не чувствовать, ничего не понимать, ничего не желать, ни о чем не заботиться, не суетиться. Оцепенеть, онеметь.

Долго или коротко это длилось, не знаю. Туман понемногу рассеялся, так рассвет разгоняет мрак. Назойливые резкие звуки лезли в уши. Чья-то рука прощупала мне пульс, затем отпустила запястье. Я разобрала слова в неясном бормотанье. Не было сил открыть глаза.

– Мадемуазель, вы меня слышите? – повторял женский голос. – Все позади, все в порядке, очнитесь. Вы меня слышите? Отвечайте! Очнитесь, не сдавайтесь, ну же, вот так, вот так, уже лучше! – Незнакомка не отставала, хлопала меня по щекам, теребила.

Холодный воздух в лицо. Пощечина. Металлическое позвякивание.

Наконец я разлепила веки и смогла ее разглядеть. Молодая брюнетка, медсестра в бирюзовой блузе, улыбалась мне.

– Вы нас здорово напугали. Долго же пришлось вас будить!

Из-за ее плеча выглянул врач.

– Она в сознании? Отлично! Наконец-то узнаем, как зовут нашу чудом спасенную.

Он склонился надо мной. Приветливый, торопливый, явно спешивший к другим больным.

– Знаете, мадемуазель, ведь вы самая загадочная и таинственная пациентка в больнице! Никто не смог назвать ваше имя. Ни одна соседка! Невероятно! Вы должны нам помочь, представьтесь!

Я попыталась быть вежливой, хотела ему ответить, шевелила губами, старалась выдать хоть один звук – не вышло! Я так устала...

– Ничего страшного, потом поговорим. – Врач с тяжелым вздохом отошел от моей постели.

Сестра протянула ему листок с колонками цифр, он внимательно просмотрел их, кивнул. Они вместе вышли в коридор.

– К ней ни разу никто не пришел, никто ее не искал, – зашептала сестра. – Ни родных, ни знакомых... Если она сама не заговорит...

– Заговорит, не волнуйтесь. Пусть понемногу приходит в себя. У нее временная афазия, нарушение речи. Пройдет. Лишь бы не было амнезии...

Молодая брюнетка вернулась в палату, подошла ко мне, взяла меня за руку.

– Мадемуазель, постарайтесь ответить, это очень важно. Мы позвоним вашим родителям, они ведь волнуются!

Родители? Волнуются? В последний раз мы общались прошлым летом. По телефону. Пять минут, не больше. Закон обязывал их поставить меня в известность, что в их брачный контракт внесены изменения. Мать объяснила, что они с отцом нотариально заверили условие общности имущества, согласно которому в случае смерти кого-либо из супругов другой унаследует все движимое и недвижимое.

- Надеюсь, ты не станешь возражать?

- Нет, мама, ни в коем случае.

- Прекрасно. А в остальном ты как, в порядке?

- Да, у меня все хорошо.

- Рада за тебя. Ну еще созвонимся, хорошо?

- Обязательно, мама.

Родители научились скрывать свою неприязнь ко мне еще с тех пор, как я была ребенком, подростком, девушкой. Мама как ни в чем не бывало причесывала меня по утрам, папа чинил мой велосипед и помогал одолеть задание по математике. Мы ужинали все вместе, не поднимая глаз от тарелок, стараясь как можно быстрее поесть и разбежаться. Плотная дымовая завеса разделила нас раз и навсегда, стена подспудных обвинений и упреков. Да и зачем без конца их повторять? Они и так прозвучали в день трагедии. В день невероятной, непоправимой утраты. В реальность которой невозможно поверить, хотя с нею отныне придется жить до конца своих дней. Непреложность непредставимого факта ранит заново вновь и вновь.

Тогда родители не смогли сдержаться. Слова полились помимо их воли. Мама и папа сознавали, что обращаются к маленькой девочке, к своей дочери... Понимали, что нельзя оглашать подобный приговор. Что лучше обуздать гнев, подавить горечь, промолчать, утаить, замкнуть в своем сердце. Что ненавидеть свою плоть и кровь – смертный грех. Что когда-то они меня любили, ласкали, мечтали стать хорошими родителями. Нужно было бы сохранить лицо. Однако боль куда сильнее разума, она смела все преграды, не оставила камня на камне от доброй воли и благих намерений.

Потом мы принялись обманывать друг друга. Они перед сном посылали мне воздушные поцелуи, делая вид, будто любят меня по-прежнему. А я притворялась, что верю им. Чтобы выжить, приходится лгать.

- Милли, постой, не вешай трубку...

- Да, мама, я слушаю.

- ...

- Ты что-то хотела сказать?

- Нет, ничего.

- До свидания, мама.

Когда мне исполнилось восемнадцать, мы все вздохнули с облегчением. «Дочь стала взрослой, не нужно больше о ней заботиться, защищать ее», - думали они. «Я теперь большая и не должна отчитываться ни в чем и ни перед кем», - решила я. Мы расстались по обоюдному согласию. Я сообщила, что уезжаю далеко-далеко, буду жить в столице самостоятельно. Они охотно согласились.

Медсестра поправила мне подушку.

- Или друзьям сообщим, - продолжала она. - Есть же у вас друзья! Кому-то вы небезразличны, верно?

И это вряд ли. Нет у меня друзей. Разве что старик Канарек. Уверена, он хорошо ко мне относится, хоть мы с ним за все время и парой фраз не обменялись. Однажды он поймал мой сочувственный взгляд, когда на него орал домовладелец: «Дождешься у меня, старый хрен, шут гороховый, тридцать три несчастья! Полицию вызову, упекут тебя, тогда пожалеешь!»

С тех пор он подмигивал мне всякий раз, как я проходила мимо. Пытался угостить собственной выпечкой с неведомой начинкой, когда выносил

на мостовую складной столик, покрытый красной морилкой, выставлял на него почерневший серебряный чайник и завтракал у всех на виду.

- Попробуй, деточка, тебе понравится!

Но едва ли он стал бы навещать меня в больнице. Да и жив ли он, кто знает?

В Париже я мгновенно нашла и жилье, и работу. При условии, что я буду трудиться по четырнадцать часов ежедневно, пекарь предоставил мне крошечную комнатку. Я начинала уборку в булочной с шести утра и сидела за кассой до восьми вечера. Ведала всеми счетами, заказами, доставкой. Драила печи, полы, мыла стеклянные витрины. Иногда какой-нибудь постоянный покупатель, унося хрустящий горячий багет, жалел меня: «Вы, Милли, света белого не видите. Это не жизнь!»

Я поспешно возражала: «Ну что вы! Вполне себе жизнь, моя жизнь. Я сама такую выбрала и ничуть не жалею». Так и проработала бы в булочной до старости, если бы мой хозяин, мужчина лет пятидесяти, много раз женатый и разведенный, не вздумал прибавить к моим обязанностям еще одну. Однажды утром он вошел в мою комнату – даже рук от муки не отряхнул, – схватил меня и швырнул на постель. Когда он поднялся, то увидел на простыне красное кровавое пятно, присыпанное белой мукой. Тут он испугался, смутился, принялся извиняться, канючить, чтобы я не жаловалась на него в полицию. Ныл, что он не знал и помыслить не мог, иначе бы никогда, ведь он неплохой человек... Затем сбегал вниз, принес круассан с пылу с жару и пачку денег.

К круассану я не притронулась, а деньги сейчас же спрятала в сумочку: нужно на что-то жить, пока не найду другую работу и кров. Пекарь проводил меня до ближайшей аптеки, купил противозачаточные таблетки, одну я сразу же проглотила. На пороге аптеки мы с ним расстались навсегда.

Горький опыт научил меня не связываться с частными нанимателями. Поэтому я без промедления отправилась в агентство. Все-таки я худо-бедно освоила в свое время профессию секретарши. И к тому же отличалась редкостной неприхотливостью. Мне было безразлично, сколько часов в неделю, какова прибавка за сверхурочные, кормят бесплатно или нет. Все равно, где работать и в какое время. Хоть с пяти утра на продуктивном рынке «Рюжис», хоть

с десяти вечера в адвокатской конторе. Лишь бы хватало на еду и жилье.

Я подписала первый контракт сразу же, в день обращения. С тех пор минуло пять лет.

– Мадемуазель, вы прошли полное обследование, результаты отличные. Небольшое сотрясение, более серьезных черепно-мозговых травм нет. Мы и надеяться не могли, что все обойдется. – Медсестра ласково погладила меня, провела рукой по одеялу. – Ну да, вы сломали ногу, берцовую кость, но она срастется, не переживайте, мы вас подлатали. Зато на спине и плечах всего лишь синяки. Вы дешево отделались, прямо в рубашке родились!

Она потрогала мой лоб и понизила голос, будто собиралась сообщить величайшую тайну:

– Вы упали на машину, которую кто-то припарковал у подъезда, у самых дверей. Счастливый случай! Судьба улыбнулась вам, мадемуазель. Ответьте мне что-нибудь, постарайтесь, попробуйте! Ну пожалуйста! Я понимаю, вы испытали шок. Испугались, да и кто бы не испугался пожара в собственном доме? Вполне нормальная реакция. Но теперь вы можете расслабиться, вам здесь ничто не угрожает, вы в безопасности, успокойтесь, не бойтесь.

Я и не боялась. Я была в смятении, в смущении. Совсем запуталась. Разные мысли теснились в голове, донимали, мешали дышать. Что им ответить? Зачем рассказывать, что меня зовут Милли Беккер, что я совершила преступление и потому лишилась будущего, пристанища, покоя? Зачем признаваться, что я жалкая секретарша, непривлекательная, нищая, незамужняя? Что у меня нет знакомых, родственников, друзей? Мне начнут задавать вопросы, придется называть имена, адреса, оправдываться, мямлить... Для чего распахивать дверь, которую потом ни за что не закроешь?

Не лучше ли начать с чистого листа, раз огонь обратил в пепел мое ничтожное прошлое? К чему возрождать прежнюю жизнь, которая и жизнью-то не была, возвращаться к беспросветной серости, полой и тщетной? Я так от нее устала.

«Счастливым случаем», – подсказала мне медсестра. В самом деле, никто и никогда прежде не оставлял машину там, где злобный домовладелец написал гигантскими буквами: «ПАРКОВКА ЗАПРЕЩЕНА!»

«Лишь бы не было амнезии». – Я хорошо запомнила слова доктора.

А если ты сбилась с пути и твои родители больше не могут любить тебя?
Где оно, спасительное забвение?

– У вас здоровое сердце, осмысленный взгляд. Вот увидите, после пожара вы станете более здоровой и сильной, чем прежде. Суровые испытания закаляют. Для того они и нужны. Так что хватит себя жалеть, напрягитесь, прокашляйтесь, пора говорить! Попробуйте! Согласны, мадемуазель?

– Да, я согласна.

– Боже! У вас получилось!

– Похоже на то.

– Замечательно! Вы справились! Вы смогли! Полежите спокойно, я сейчас врача позову. Нет, погодите. Сначала скажите, как вас зовут. Я так долго ждала, я хочу услышать первой!

– Я не знаю.

Она выпустила мою руку, отступила на шаг, недоверчиво глянула прямо в глаза.

– То есть как – не знаете?

– Я не знаю, как меня зовут. Не знаю, кто я такая. Я ничего не помню.
Мне страшно!

Медсестра помрачнела. Сдвинула брови, наморщила лоб, открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла выговорить ни слова. Пришел ее черед лишиться дара речи.

– Это ничего, ничего, не страшно, все наладится, образуется, – залепетала она наконец, неубедительно, неуверенно.

И попятилась к двери, не отводя от меня взгляд. Признаюсь честно, мне было нелегко солгать этой милой доброй девушке, участливой, деятельной, всегда готовой помочь, да и помогавшей мне постоянно все это время... Увы, сказанного не воротишь, отступить поздно. Я ничего не продумывала заранее, не прикидывала, не планировала. Иначе, представив возможные последствия, затруднения, неприятности, скорее всего, и не решилась бы на этот шаг. Я действовала по наитию. Миновала точку невозврата.

Мистер Майк

Если торчок-сморчок и впрямь надеялся от меня избавиться, отправить в места большой охоты, то он оплошал, это факт. Кто же станет мочить парня среди бела дня на задах супермаркета, в двух шагах от легавых? Кассирша мигом набрала номер, они и примчались, мальчики по вызову. Д'Артаньян и три мушкетера из-за кислоты и бухла соображали туго, ползали как сонные мухи, их и сцапали за милую душу, поставили раком, надели наручники, подогнали тачку с мигалкой и отправили в обезьянник.

Все эти трогательные подробности я узнал куда позже, в палате, от соцработника, когда док меня подштопал. Трубой мне захерачили так, что лопнула селезенка. Ну меня в больничку свезли и сразу на стол – резать там, шить. Я не слишком потом печалился. Подумаешь, двести граммов гнили долой – делов-то! Только главный кудесник мне растолковал, что теперь я должен каждый день колеса глотать, антибиотики всякие, раз в пять лет уколы, и чтоб берег себя как зеницу ока: малейший жар – вызывай «Скорую»!

Тут же приставили ко мне соску-соцработника, девчонку только-только со школьной скамьи. Она все смотрела в пол и грызла ногти.

– Мсье Жан-Пьер, мы с вами...

- Все зовут меня мистер Майк.

- А в документах написано Мишель Жан-Пьер. Я так и не поняла: Жан-Пьер – это имя или фамилия?

- Ты, красавица, уши прочисти. Говорят тебе: зови меня мистер Майк.

- Ладно, как скажете. Только в бумагах я все равно не могу ничего исправить. Так вот, мистер Майк, мы с вами должны придумать, как вам жить дальше. На улицу возвращаться нельзя, здоровье не позволяет, оно у вас теперь хрупкое.

- Отлично! И что, пойдём к тебе?

- Если честно, у нас пока нет ничего определенного. Я, конечно, поставлю вас на учет, однако очереди в государственные приюты громадные. Поймите, прежде всего мы заботимся о тех, у кого шизофрения, рак, склероз. О самых тяжелых больных. Мне очень жаль, поверьте...

- Я тебя умоляю, лапа. Я давно уже вырос и не жду подарков от деда с белой бородой и в красном колпаке.

Я даже пожалел ее, до того мелкая расстроилась.

- Есть одна организация, которая сотрудничает со многими больницами и помогает тем, у кого проблемы со здоровьем. Я передам им ваши документы, вдруг они вас возьмут... Но предупреждаю, у них дел невпроворот. Мистер Майк! Вы вообще меня слушаете? Почему вы улыбаетесь? Что здесь смешного?

- Слышь, коза, ты зря теряешь время. Хватай под мышку книжки и ступай петь караоке с одноклассниками. Говорить больше не о чем. Беги!

- Вы думаете, мне легко...

- Думать вредно. Но я надеюсь, что ты, малявка, спасешь мне жизнь.

Мне вообще никто не нужен, вот что! Брюхо вспороли недавно, вон красная полоса, шов не зажил еще. Выписали рецепт, длиннющий, как рулон туалетной

бумаги. На минеральную воду и все прочее. Но проблемы со здоровьем – это не про меня, учти, солнышко! Меня ждет не дождется мой теплый славный подъезд, удобные ступени. Зима скоро кончится, заживу лучше всех, не бойсь! Много ты понимаешь! Мне еще и сорока нет. Если на улице будет тихо, протяну до пятидесяти как пить дать.

Она заторопилась, заелозила, сгребла бумажки, встала.

– Что ж, до свидания, мсье, поправляйтесь поскорей, удачи вам.

– Поправлюсь, зуб даю!

Док позволил неделю перекантоваться в больничке. Рай, да и только! Кровать как у людей, дрыхнешь на чистых простынях, их меняют каждый божий день – красота! Не всем такая пруха. Сестрички кляются, я парень видный. На все для меня готовы. Притворяюсь, что сплю, а они шу-шу-шу и тычут пальцами в мои татуировки. Вертят хвостом, дурехи, будто я не раскусил еще все их фокусы. Я не вчера родился. Знаем, плавали. Бабы!

Однако грех не попользоваться. Кричу им:

– А ну, кто принесет мне пивка холодненького, красули?

– Мистер Майк, мы же вам говорили, тут больница, нельзя!

– Ладно уж! Одну баночку. Только вы уж нас не выдавайте, обещаете? Поклянитесь! Все равно вас завтра выпишут...

Завтра? Уже? Так быстро? В последние дни холода завернули лютые. Из окна палаты я видел, что все тротуары обледенели, заблестели на зимнем бестолковом солнце. Нужно подыскать местечко в котельной, и чтобы никакой гад не прикапывался.

Снова здорово, иди туда, не знаю куда. Невидимый враг повсюду. Пузо лопнет – наплевать, под рубахой не видать.

Я вылакал драгоценный пивасик с чувством, с толком, с расстановкой. Стемнело. По коридору проехала последняя тележка, все угомонились. Я проглотил снотворное, что мне оставила на тумбочке дежурная сестра. И позабыл обо всех примочках, без которых на улице пропадешь. Перестал быть страшным и сильным. Уснул сном младенца. Так я и в детстве не спал. Не было у меня детства.

Мариэтта

Шарль приехал, клопоча от ярости. Сжал кулаки, заскрежетал зубами. Глава педсовета вызвал его в школу из министерства.

Я была так потрясена, растеряна, убита, что ничего не поняла. Бросилась к нему, понадеялась на утешение, поддержку. Разве он не клялся перед алтарем, что будет со мной в горе и в радости? Разве муж не должен защищать жену вопреки всему против всех? Пусть наша семейная жизнь давно разладилась, пусть он бесчувственный эгоист. На этот раз он заступится за меня, выскажет горькую правду в лицо директору, завучу, моим коллегам, ученикам. Поведает о моих обидах, приступах паники, постоянной бессоннице, отчаянии, потере аппетита. О том, как я изнемогала, проверяя по ночам горы тетрадей, о том, как молча терпела все издевательства. Он пригрозит им судом, компенсацией за моральный ущерб. Напомнит, что ответственность за происшедшее ложится на их плечи. Наконец-то они осознают истину: я невинная жертва, затравленная, всеми покинутая. Вот к чему привело их долгое бесчеловечное равнодушие!

Шарль – один из сильных мира сего. Он награжден орденом Почетного легиона, есть у него и другие награды. К такому влиятельному солидному человеку не просто прислушаются, ему все послушны! Он хозяин жизни в полном смысле слова. Ему не только многое принадлежит – ему многие повинуются. Да, между нами существуют разногласия (согласия никогда и не было, увы). Да, теперь мы редко общаемся, фактически живем врозь. Но я по-прежнему его супруга, мать его детей. Оберегать меня – его святая обязанность. Хотя бы перед самим собой.

Но Шарль не обнял меня и не защитил. Он холодно отстранился.

– Бедняжка, теперь для всех очевидно, что ты сошла с ума, – произнес он с презрением.

От неожиданности у меня пресеклось дыхание, внутри все перевернулось. «Ты сошла с ума», – заявил мой муж!

Он отвернулся и заговорил с завучем:

– Поверьте, я глубоко сожалею о случившемся. Мы с вами оказались в сущем аду. Будем же поддерживать друг друга. Я признаю справедливость любых административных взысканий. Когда от родителей поступит жалоба, мой адвокат постарается все уладить в интересах коллеги. Заверьте директора в моей готовности вам помочь. Прошу лишь об одном: постарайтесь, чтобы скандал не разгорелся. Я ведь могу рассчитывать на вашу деликатность? – Муж грубо схватил меня за руку. – Поторопись, выйдем через заднюю дверь. Быстрее! Или ты полагаешь, что у меня только и дел, что возиться с полоумной женой? По твоей милости я пропустил очень важное совещание. Боже! О чем ты только думала? Как могла так унижить меня, предать, выставить на посмешище? Неужели ты задумала пустить мою карьеру под откос?

Я смотрела на него, окаменев, и не верила собственным ушам. Карьера? Унижение? Посмешище? Рушится вся моя жизнь, а он толкует о своей репутации, об общественном мнении, о врагах, которые не преминут воспользоваться моим промахом. Его ни в коей мере не интересовали причины моего поступка. Он даже не спросил, почему я дала ученику пощечину. Не почувствовал, что я миновала последний предел. Не попытался оправдать меня. Для него я виновна априори.

Машина затормозила перед домом. Он оставил меня у дверей, будто ненужный громоздкий чемодан.

– Я вызвал врача. Он обещал прийти в первой половине дня.

– А ты разве не останешься? Куда ты едешь?

– Мне что, и дальше нянчиться с тобой? Я еду тушить пожар, который ты учинила. До выборов осталось три месяца, и я вовсе не хочу, чтобы мое имя изваляли в грязи. Вероятно, происки оппозиции тебя не волнуют? Заметно! В газетах появятся заголовки: «Жена Ламбера слетела с катушек! Она искалечила ученика. Она невменяема!» Сколько времени и денег уйдет на то, чтобы замять скандал! Кто, по-твоему, будет умягчать директора и родителей мальчика? Хоть бы они согласились на переговоры! Посмотрим, насколько серьезны его телесные повреждения. Из-за тебя сплошные убытки, расходы, неприятности... Так что позволь доверить твою драгоценную персону первоклассному специалисту и удалиться. Я еду прибираться за тобой, дорогая!

Не хочу, чтобы мое имя изваляли в грязи! Но ведь это он настоял при заключении брачного контракта, чтобы я сменила девичью фамилию. Клялся, что обожает меня, боготворит. Сегодня это прозвучало бы дико, никто не говорит таких слов, тем не менее тогда он твердил всем и каждому: «Я не могу жить без нее, я схожу по ней с ума! Мариэтта – мое сокровище, чистое золото, бриллиант!»

Напрасно девушки не обращают внимания на лепет влюбленных женихов. Шарль ясно заявлял о том, что я его собственность, материальная ценность, унаследованное имущество, которое вполне можно переплавить и огранить. Когда мы познакомились, он был выпускником престижнейшей школы, где училась одна элита, и только начинал в парламенте свой путь к вершине власти. Мечтал занять пост своего непосредственного начальника и преуспел.

Шарль преуспевал всегда, везде и во всем. Он испещрял тысячи страниц сложнейшими стратегическими планами, схемами и подсчетами. Таким образом ему удавалось внести поправку в законопроект, добиться поддержки электората, привлечь инвесторов, устроить прием, собрать родню, отправиться к морю, купить загородный дом, квартиру, машину... Он прогнозировал, анализировал и моделировал любую жизненную ситуацию. Наши сыновья и те – результат его аналитической деятельности. В записной книжке Шарля обозначен благоприятный день для зачатия, адрес лучшего гинеколога, течение беременности, срок родов.

В первые годы совместной жизни я еще пыталась оспаривать некоторые его решения и высказывать разумные сомнения.

– Тебе не кажется, что лучше приобрести дом и сад в пригороде, нежели городскую квартиру?

– Глупышка, а ты хорошо изучила рынок недвижимости? Учла потери в случае повторной продажи? Рентабельность? Расходы на содержание? Мне казалось, ты преподаешь историю и географию, а не математику...

В первые годы я просто не замечала того, что ему доставляет удовольствие унижать меня, подавлять, издеваться. Не ощущала яда в его иронии. Вытесняла, игнорировала.

Шарль решил, что выгоднее всего поселиться в деловой части города. Нас окружали одни лишь офисы, и по вечерам весь дом погружался в мертвую тишину. Никаких магазинов поблизости. До коллежа мне приходилось добираться часами. Каждое утро я поднималась в половине седьмого, готовила завтрак для мужа и сыновей, а затем уезжала на работу, даже не повидавшись с ними.

Однажды мы ужинали с друзьями Шарля, и одна дама, услышав о моем распорядке дня, очень удивилась.

– Неужели вам не обидно терять столько времени в городском транспорте?

Шарль возразил с обворожительной улыбкой:

– Вы забываете, что Мариэтта подвизается в сфере государственного образования. Всего восемнадцать рабочих часов в неделю, фиксированная зарплата, оплаченный четырехмесячный отпуск. У нее столько свободного времени, что его просто некуда девать!

Провокация в чистом виде. Он дразнил меня, прекрасно сознавая, сколько сил отнимает у меня преподавание, как преданно я служу своему делу. Надеялся, что я не сдержусь, стану спорить. Вот тогда он продемонстрирует всем свой ораторский дар, отразит мои возражения колкостями, отточенными афоризмами. На виду у всех истерзать жену, мучить и оскорблять, прикрываясь юмором, – ничто не доставляло ему большего удовольствия. И при этом Шарль очень чутко

улавливал настроение аудитории. Если вдруг – хотя такое случалось крайне редко – воцарялось неловкое молчание или кто-то из гостей (о, чудо!) начинал меня защищать («Шарль, уймись, откуда столько сарказма?»), он мгновенно менял тактику: «Полно, милая Мариэтта знает, как я люблю ее. Она нисколько не обижается, я просто пошутил».

Неужели я когда-то любила этого человека? Может быть, когда мы с ним только познакомились, он был или казался другим? Возможно, меня ослепило желание поскорее сбежать из родительского дома?

Заботливый, обаятельный, деятельный, он окружил меня вниманием, постоянно дарил цветы. После каждого свидания я находила в сумочке трогательную записку и какой-нибудь сюрприз. Высокий, красивый, честолюбивый. Ему сулили блестящее будущее, да он и сам упорно к нему стремился. Мне было уже двадцать лет, а я никак не могла решиться отринуть отцовскую власть и зажить самостоятельно. В любовь я не верила, но желала освобождения. И потом ухаживания Шарля мне льстили. Он осыпал меня комплиментами, непрерывно пел дифирамбы. Жюдит, моя лучшая подруга, говорила с нескрываемой завистью: «Мариэтта, тебе крупно повезло!»

Откуда мне было знать, что он выбрал меня потому, что я соответствовала всем критериям образцовой жены, дотошно перечисленным в одной из его записных книжек? Частью плана, необходимым звеном в цепи. Именно то, что нужно: стройная блондинка с правильными чертами лица и светлыми глазами, сдержанная, спокойная, вышколенная, покладистая. Неспособная взбунтоваться, устроить скандал.

Добропорядочная, предсказуемая. Идеальная спутница жизни политического деятеля, чья безукоризненная семейная жизнь вызывает восхищение избирателей. Через несколько лет после свадьбы он сам без всякого стеснения заявил мне об этом.

Мы столько лет прожили вместе, а я до сих пор не знаю, как на самом деле муж ко мне относится. Способен ли он вообще на какие-то чувства. Любил ли он вообще хоть кого-нибудь. Похоже, Шарль только и делал, что ставил перед собой цели и добивался их. В данном случае завоевал, вернее, поработил подходящую женщину. И гордился очередной победой. А чтобы лишней раз

насладиться ощущением превосходства, показать, кто тут хозяин, время от времени наносил мне болезненные удары. Доводил до того, что я готова была уйти, развестись с ним. Тут он якобы опоминался, велеречиво просил прощения, клялся в пламенной страсти, давал громкие обещания и никогда их не исполнял.

Затем, как нетрудно догадаться, пылкий влюбленный вновь превращался в тирана. Можно позавидовать его актерскому дарованию.

Мои родители души в нем не чаяли. Лучшего зятя и представить себе нельзя: внимателен, уважителен, безгранично предан семье, трудолюбив, готов на все ради своего клана, благороден и щедр. Он дарил им дорогие подарки, охотно отправлял в круизы.

Сыновья восхищаются им, жалуется, что он редко бывает дома. Шарль в ответ:

– Мальчики, я стараюсь исключительно ради вас. Поверьте, я бы охотно возвращался в семь вечера, как ваша мама, садился на диван и вместе с вами заново открывал для себя столько прекрасного и интересного!

Не могу сказать, что мы вместе с Тома и Максом открываем прекрасное. Я приползаю из коллежа чуть живая, без сил, а они сидят, часами уткнувшись каждый в свой ноутбук, планшет, смартфон. Спасибо, если поднимут головы и поздороваются. Помогают лишь изредка, неохотно, спустя рукава. Я привыкла, не жалуясь. По сравнению с Зебрански они у меня – воплощение благовоспитанности и дружелюбия. Меня утешает мысль, что переходный возраст пройдет – все подростки такие – и в один прекрасный день они вспомнят, как мы с ними в детстве играли, возились, радовались, удивлялись. Повзрослеют и поймут, как нежно привязаны к маме, а мама – к ним. Взглянут на меня иначе.

Шарль вызвал на дом психиатра. Доктор принялся расспрашивать меня обо всем, но ответов не слушал. Вместо этого сам пустился в пространные рассуждения. Я не обижалась. В конце концов, никому не под силу за час разобраться с подавленным гневом, фрустрациями, разочарованиями, накопленными за двадцать лет. Пока он нанизывал слова, анализируя мой поступок, у меня перед глазами проплывали разные картины. Вот Зебрански скатывается по лестнице, ударяясь о ступени с жутким стуком. Вот мсье Виншон

укоризненно цокает языком: «Ай-яй-яй, мадам Ламбер, нехорошо опаздывать, поторопитесь!» Искажённое от гнева лицо Шарля. Двадцать восемь учеников смотрят на меня, разом засунув в рот карандаши. Больница, куда я попала в семнадцать лет. Подруга Жюдит с завистью качает головой: «Мариэтта, тебе крупно повезло!» Я снова начала задыхаться, почувствовала беспричинный страх. Злые козни повсюду!

У доктора изначально сложилось обо мне определенное мнение. Полагаю, не без помощи Шарля. Он прописал мне курс антидепрессантов, которые я спрячу подальше в ящик и ни за что не стану принимать. А еще велел уехать на две недели в специальный санаторий.

– Вам там понравится. Санаторий славится на всю страну. Красивое здание посреди огромного парка. Вы поправитесь. Говоря точнее, вам станет лучше. В таких случаях единственный выход – нарушить привычный ход жизни.

«Нарушить!» Какое неприятное резкое слово. И он полагал, что это меня утешит?

Доктор за десять минут по телефону договорился о том, чтоб меня там приняли. Перезвонил Шарлю, но тот «был временно недоступен». Пришлось оставить сообщение его секретарше.

Уже в дверях психиатр отечески потрепал меня по плечу.

– Вот все и закончилось, мадам Ламбер. Все позади. Теперь дела пойдут на лад.

Милли

Само собой, я должна была предположить, что начнутся бесконечные исследования, тесты, проверки. Мне задавали десятки вопросов, показывали картинки, фотографии. Я на все отвечала лишь «нет», «нет» и «нет».

Сперва боялась, что меня разоблачат и вышвырнут. Потом успокоилась. Мне стремились помочь, никто и не думал бросать беспомощную больную одну в пустоте. Я стала для врачей событием, загадкой, особым случаем в практике.

Каждый стремился что-то придумать, пытался оживить мою память, восполнить пробелы, ощущал, что на него возложена важная миссия. Я слышала, как они тревожно переговаривались в коридоре:

- Беда в том, что у нее нет родных.

- Девушка совсем одна, но в таком состоянии она не сможет позаботиться о себе.

Перво-наперво мне решили придумать имя. Я сказала: «Мне нравится Зельда». Они оживились, засуетились:

- А кого еще так звали, мадемуазель, вы не помните?

- Нет.

- Может быть, персонажа видеоигры или писательницу с причудами? Вы слышали это имя в раннем детстве или в школе? Какие ассоциации оно у вас вызывает? Попробуйте восстановить хотя бы смутный образ, ощущение, звук голоса, который его произнес.

- Не могу.

- Такое имя не приходит на ум случайно. Вы выбрали его неспроста!

Конечно, неспроста. Я выбрала его специально для них. Ведь они любили фэнтези-игры Сигэру Миямото по манге. Чтобы они где-то там, далеко-далеко, поняли, что их я не забуду ни в коем случае. Они останутся в моей памяти навсегда. Амнезия придумана вовсе не им назло. Они живы в моем сердце навеки.

Оказалось, что притворяться не так уж сложно. Все-таки я выпрыгнула из окна, упала с семиметровой высоты, поэтому никто не заподозрил, что я симулянтка. Наоборот, весь персонал искренне мне сочувствовал. Люди до того прониклись, что обсуждали, как поступили бы на моем месте: решились бы шагнуть

в неизвестность или предпочли погибнуть в огне, задохнувшись угарным газом.

Но больше всего врачей и сестер волновало мое ближайшее будущее. Куда меня девать? Кто обо мне позаботится? Иногда их тревога передавалась мне.

Я пугалась, начинала метаться, беспокоиться. И зачем только я затеяла всю эту катавасию, доставила столько хлопот, переступила запретную черту?

Не лучше ли, пока не поздно, пока я еще в больнице, одуматься, признаться, повиниться?

– Доктор, у меня нет никакой амнезии. Я все выдумала. Захотела избежать наказания, хотя прежде считала его справедливым. Признаю свою ошибку и раскаиваюсь. Я поступила низко, малодушно, простите меня. От неизбежной неискупимой вины устаешь. Пожизненный приговор – тяжкая ноша.

А в следующий миг успокаивалась и думала о том, что мне дали второй шанс. Я вовсе не подлая трусиха, которая воспользовалась подвернувшимся случаем.

Пожар – не случайность! Огонь очищает, освобождает, обращает прошлое в пепел, чтобы человек мог родиться заново. Для меня пробил час перемен.

Я обязана принять подарок судьбы со смирением и благодарностью. Начать новую жизнь во что бы то ни стало. Это мой долг. Я не могу отказаться.

С провидением не торгуются.

Однажды утром я сидела у окна, безвольно развалившись в сером дерматиновом кресле, и смотрела, как ветер треплет верхушки деревьев возле больничной парковки, как на фоне неба они колышутся все вместе, похожие на гребень волны. Я ни о чем не думала, просто убивала время. Внезапно медсестра тронула меня за плечо и сказала:

– Зельда, к вам пришли.

Пришли? Ко мне? От ужаса у меня перехватило дыхание. Неужели все кончено? Кто мог меня опознать? Родители? Но как? Канарек? А вдруг почтальон, с которым мы как-то столкнулись у почтовых ящиков, запомнил имя на конверте и мое лицо?

Все оборвалось внутри. Миг отчаяния длился целую вечность. «Нет, не может быть! Я так старалась, молилась, клялась, что изменюсь и исправлюсь...

Это несправедливо!»

На пороге возник немолодой человек с бейджиком на груди и толстой папкой под мышкой. Он смотрел на меня смущенно и с любопытством. Я никогда не видела его прежде, уж это точно.

– Меня зовут Жан, – произнес он с улыбкой. – Я представитель благотворительной организации, так называемой Мастерской. Быть может, вы о нас слышали? Мы помогаем людям в непростых жизненных ситуациях, потерпевшим, жертвам обстоятельств. Поддерживаем их психологически, юридически и материально, если потребуется. Делаем все возможное, не даем им пропасть. Нам позвонили из больницы и рассказали о вашей проблеме.

У меня отлегло от сердца, я вздохнула с величайшим облегчением.

– Врачи постараются реанимировать вашу память, – продолжал он после небольшой паузы. – Но вам в любом случае предстоит заново осваивать внешний мир, искать свое место в нем, строить планы, а затем их осуществлять. Вот тут-то мы и можем пригодиться. Само собой, без вашего согласия мы не станем вмешиваться. Это всего лишь приглашение на танец, никакого давления. Итак, что вы мне ответите, мадемуазель?

Мне захотелось обнять его и расцеловать.

– Вас мне сам Бог послал!

– Вы тоже для нас дар небес, поверьте.

Жан оказался не только вежливым и деликатным, но вдобавок еще и необычайно деятельным и дельным. Еще до полудня он успел переговорить со всеми врачами, оформить нужные документы. Итак, на следующей неделе я отправлюсь из больницы в «Мастерскую», там для меня приготовят комнату, Жан сам заедет за мной.

Обговаривая детали предстоящего переезда, он не торопился, тщательно подбирая слова, старался, чтобы между нами не возникло недоразумений.

– Зельда, вас действительно это устраивает? Возражений нет? Если что-то неясно, спрашивайте, не стесняйтесь.

Я отчетливо видела: Жан не хотел принуждать меня, боялся бестактно задеть мои чувства. Ему казалось, что испуганная, растерянная девушка, какой он считал меня, особенно беззащитна и ранима. Его предупредительность и чуткость восхищали, удивляли. Я была счастлива, мне так повезло! Правда, иногда в его глазах угадывалась затаенная беспричинная грусть. Может быть, Жана посещала мысль, что все его усилия тщетны? Однако вскоре воодушевление брало верх над печалью, поистине его преданность делу спасения несчастных безгранична!

Когда он ушел, медсестра с завистью проговорила:

– Вы теперь в надежных руках. Их еще называют «Мастерская чудес».

За два дня до выписки Жан пришел ко мне с планшетом.

– Пора обновить ваш гардероб!

Кое-какой одежкой больница меня снабдила. Мне дали спортивный костюм, халат, две пижамы, две майки со знаком Красного Креста, нижнее белье. Но все это было мне сильно велико.

– Вы должны выйти отсюда нарядной, готовой начать новую жизнь. Девушке особенно важно хорошо выглядеть, верно? Тут свой особый глубокий смысл.

Долгое время мне было наплевать, как я выгляжу. Выбирая одежду, я думала лишь о цене и о том, как наниматели представляют себе достойную секретаршу. Ничего яркого, обтягивающего, привлекающего взгляд. Классический офисный стиль. Сдержанные пастельные тона. Крой, не стесняющий движения. Добротная ткань, которую легко стирать и гладить, чтоб не лоснилась и не вытягивалась.

На распродажах и в дешевых магазинах я быстро ощупывала вещь, проверяла, моего ли она размера, и покупала, не примеряя. Мне и в голову не приходило,

идет она мне или нет, мой ли это стиль... Я избегала зеркал.

Жан показал мне десятки платьев, брюк, блузок, юбок, свитеров, курток, пальто, туфель, сапог. Скромных, роскошных, модных, винтажных. Я могла одеться как хиппи или как фотомоделль. Выбрать любой бренд, не стесняясь в средствах. Я растерялась...

– Не торопитесь, Зельда. Свою идентичность не так-то легко восстановить. Внешний вид следует тщательно продумать. Сегодня вы решаете, в чем выйдете из больницы. Об остальном мы позаботимся позже. Но и сейчас я никуда не спешу. Спокойно прикидывайте, подбирайте то, что вам подходит.

Я указала на черное короткое платье, кофточку, плащ и туфли на высоченном каблуке. Медсестра у меня за спиной присвистнула.

– Восемь сантиметров! Подумать только! Я бы ни за что не стала ковылять на таких ходулях. Вот вам и идентичность! Вы, Зельда, наверное, в банке работали. Цифры, счета, переводы ничего вам не говорят? Вы из тех молодых да ранних в строгих пиджаках, на шпильках, которые зашибают миллионы, не вылезая из-за компьютера, да?

Она осеклась. Жан смотрел на нее с крайним негодованием.

– Отлично. – Он постарался меня подбодрить. – Завтра я вам принесу все это для примерки.

Он смущенно поцеловал меня в лоб, выключил планшет и удалился.

Между тем стемнело. Я дождалась, пока уйдут последние посетители. Затем вышла из палаты в коридор и попыталась ходить на цыпочках, удерживая равновесие. Мое сердце отчаянно билось, стоило кому-нибудь появиться вдалеке или внезапно хлопнуть дверь. Я боялась, что меня застигнут врасплох, уличат в обмане.

У меня плоскостопие из-за дешевой обуви без каблука. Как я втиснусь в узкие лодочки? Я сутулая, не привыкла ходить прямо. Спина и ноги будут отчаянно болеть. Но длительное мучительное преобразование необходимо, неизбежно.

Я готова к нему.

Мистер Майк

Я уж все бумажки их подписал. Всех сестричек, белых птичек, расцеловал. В щечки-яблочки. Они для меня расстарались. Наготовили всякого добра: спальный мешок, новенький блестящий термос с крышкой из нержавеющей стали, кипятильник, крекеров целый пакет, чистые портки и все такое.

Только в путь собрался – откуда ни возьмись этот перец. Встал в дверях, руки в брюки. Субчик лет пятидесяти. Не урод, не красавчик. Не качок, не хлюпик. Так, серединка на половинку. Лица не запомнишь. Сотни таких шмыгали мимо меня, когда я у подъезда сидел.

– Не помешал?

– Ну это как сказать.

– Позвольте представиться. Я из «Мастерской», мы помогаем людям с проблемами здоровья. Вам о нас соцработник говорила, так?

– Ах, да-да-да! Ну как же! Ты тоже завел байду про проблемы? Лучше оглохнуть, чем слушать вашу туфту.

– Не могу с вами согласиться. «Проблемы со здоровьем» – это просто термин такой. Формула для подачи заявлений, запросов, выписок, формуляров, требований. Обычно люди не обижаются, когда им делают скидки и оформляют пенсии. Забудем о проблемах. Поговорим о «Мастерской». Найдется у вас минутка?

– Мне, вообще-то, пора из палаты выметаться. Но если купишь мне литрусик пивасика, буду слушать тебя хоть неделю. Валяй!

Я просто так это брякнул, думал: отвяжется. А он просиял как начищенный медный таз, куртку мне подает, кивает:

– С удовольствием. Пойдем выпьем.

Чудеса, да и только!

Присмотрелся я к типчику получше. Сперва он со мной как родной. Добрый такой, сладенький. А как завалились в пивнушку, пошло-поехало: социальная адаптация, «Анонимные алкоголики», никаких правонарушений, бухло – смерть... Привычная чушь. Пустой треп. «Давай договоримся: ты будешь чистый, трезвый, тихий, мирный, а я тебя накормлю, поселю и к делу пристрою». Плавали, знаем. Но на первое время, пока брюхо не заживет, можно и так перекантоваться.

Крендель этот заказал мне вторую кружку. А сам тем временем приглядывается, принохивается, что я за зверь такой, как ко мне подкатить. Я ни гу-гу, прикинулся ветошью. Вот он молчал-молчал, да и выдал:

– Не думайте, мсье Мишель, что я вам одолжение делаю.

– Мистер Майк меня зовут.

– Правда-правда, простите, меня соцработник предупреждала, а я не учел, запомновал. Так вот, мистер Майк, я к вам обращаюсь потому, что вы нужны нам больше, чем мы вам.

– Чего ты мне лапшу на уши вешаешь? Разводишь, да? Я не вчера родился. Ты, брат, гонишь, завязывай.

С тех пор как я себя помню, никому и никогда я не был нужен. Только мамаше своей, чтоб пособие получать. Семь лет она пропадала и вдруг заявила к бабуле и деду, где я жил себе, кучеряво так поживал. Не потому, что соскучилась, сука. Денежки ей подавай. Всем выходной испортила,

мы толком и позавтракать не успели.

– Гляди, покойница с того света пожаловала, – сказал дед, как ее увидел.

И точно. Кожа синюшная, вся в прыщах. Немытые волосы висюльками. Бычок в гнилых зубах. Вперлась без приглашения, ни здрасте, ни до свидания. Плюхнулась на табурет и рыгнула.

– Я за сыном. Мать я Мишелю или нет? Вы мне ничего не сделаете, я в своем праве!

Дед ей:

– Что ж ты раньше о нем не вспомнила? Где ты была столько лет? От тебя ни слуху ни духу. Ни разу не прислала ему ни весточки, ни подарка. Мы, чай, не в лесу дремучем живем, не на Аляске. Не дикари, цивилизация кругом. Поезда, автобусы ходят. Могла бы хоть навестить. Позвонить. Телефон у нас есть.

Я видел эту курву впервые. Если она до двух месяцев меня тетешкала, так что, думаете, я запомнил рожу ее кривую? Вцепился в бабушкину руку намертво, как лобковая вошь бойцу в яйца. Зажмурился крепко-крепко. Думал, открою глаза, а пакости этой и нет – была, да сплыла. Твердил про себя: «Пока бабуля рядом, ничего со мной не случится, меня этой страшной тетке не отдадут!»

– Нечего меня поучать, на себя посмотри! Семь лет ребенка обирал, и все тебе мало. Ты ж безработный! Вот тебя государство и поило-кормило ради мальчика. Мишель у меня – добытчик! Скажешь нет? А теперь все, накрылась ваша лавочка. У меня и работа есть, и жилье, забираю сына, и баста! – прошипела она деду в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/valeri-tong-kuong/masterskaya-chudes/>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/valeri-tong-kuong/masterskaya-chudes-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)